

1

Он едва не закричал от ужаса. Второй раз не ошибаются, она встретилась на том же месте. Или опять примерещилась? Тогда должна исчезнуть, следом пройдет и боль внутри, боль, ею причиненная, возникшая из воздуха и воображения. Второй раз Брасов не дышал и не сводил с нее глаз, поворачивая голову, затем корпус назад. Ему не мешали редкие капли, оставленные на заднем стекле морозящим дождем, а она не исчезала...

Она стояла, как и в прошлый раз, у края тротуара, узкие носки туфель касались бордюра, выкрашенного белой краской, за спиной высился газетный киоск. На ней был тот же легкий выцветший светло-красный плащ с закатанными по локоть рукавами, короткая черная юбка, кажется, трикотажная, красная кофточка с застежкой спереди. В руке она держала зонтик, а над головой раскинулся прозрачный купол с каплями, выглядевшими как ртутные шарики. Однажды в детстве Брасов разбил тер-

мометр, по столешнице разбежались капли, и, когда он карандашом подводил их друг к другу, они соединялись в шарики, не оставляя следов. Тогда они напоминали капли дождя на стекле, в то же время были чужеродными, самостоятельными сгустками, он не знал, как опасно для здоровья играть ими... При чем здесь разбитый термометр? Дурацкая ассоциация.

Всего миг, а Брасов запомнил такие мелочи, как черные квадратные крапинки на красном полотне немодной кофточки. Дешевенький браслетик из разноцветных бусинок разной величины на запястье руки с зонтиком, выбившаяся прядь светлых волос упала на лицо... Что-то еще... Улыбка! Она улыбалась, совсем чуть-чуть, в сущности, движение губ даже нельзя назвать улыбкой, скорее, всегдашнее ее выражение — светлое и радостное. Стоп, кому она радовалась? Ему? И лет ей столько, сколько было тогда. Но ведь это невозможно!

Всего миг... Хрупкую фигурку закрыла маршрутка, следующая за «мерседесом» Брасова, а за маршруткой — целая вереница автомобилей. Только после того, как она пропала, Брасов развернулся корпусом к лобовому стеклу и задышал часто-часто, громко и с перебоями, будто находился в газовой камере.

— Вам плохо, Юрий Артемович? — забеспокоился шофер.

Брасов вздрогнул, с изумлением взглянув на парня, и вспомнил, что вообще-то едет на работу. Как странно, девчонка у дороги настолько выключила его из реальной жизни: водитель Игорь
6 задал вопрос, а Брасов не расслышал.

— Что? — выдавил он, заставляя губы шевелиться.

— Вам плохо? Остановиться? Здесь нельзя, но могу свернуть.

— Останови... Нет, не плохо... Пить хочется.

— Так есть же. — Игорь открыл бардачок.

Жаль, нет ничего покрепче. Брасов, торопясь, вскрыл минералку, вода с шипением пролилась на брюки.

— А, черт! — стряхивая капли, ругнулся он.

Отпил несколько глотков, легче не стало. Вот если б сосудорасширяющего хлебнуть... Но спиртное в кабинете, пройдет целая вечность, пока он доберется до заветного шкафа.

Брасов с нетерпением ждал, когда Игорь припаркуется. Машина еще толком не остановилась, а он выскочил и бегом ринулся в кабинет, несмотря на статус руководителя и довольно плотную комплекцию. Он и в юности не отличался стройностью, когда же перевалило за тридцатник, вес прибавлялся пропорционально убывающим волосам — чем обширней лысина, тем больше стрелка весов отклонялась в нежелательную сторону. Борьба с весом длилась минимум один день в месяц, главный соблазн, еда, перекрывал все известные страсти, потому к тридцати семи Брасов напоминал огромный бурдюк, наполненный выдохшимся вином.

Он промчался мимо секретарши, в кабинете опрокинул рюмку коньяка в рот и замер, ожидая немедленной помощи. Чтоб она быстрее пришла, выпил вторую. Тело приобрело легкость за считанные минуты, Брасов почувствовал кайф, какой редко получал. Голова приобр-

рела относительную ясность. Девчонка, стоявшая у дороги, перестала быть фантомом, нашлось объяснение: просто похожа. И взволновала похожестью, только ею. Той было семнадцать, этой примерно столько же, а прошло, простите, девятнадцать лет. Брасов рассмеялся: похожая девочка вызвала в нем ужас.

Спустя несколько секунд он устался на поверхность стола, увидев на черной полировке ее же.

Почему он решил, что крапинки на кофточке квадратные? Это невозможно было заметить, когда он проезжал мимо нее. Ах да, ОНА носила подобную красную кофточку с квадратными крапинками, ассоциации сработали, не более. Брасов просто знал: крапинки квадратные и черные, на самом деле их не было, на этой кофточке не было. Девчонка пережидала, когда проедут машины, чтоб перейти дорогу...

Но она смотрела на Брасова! Она поворачивалась за его машиной, переступая в туфельках с узенькими носками, ни разу не взглянув в другую сторону. Значит, ее не интересовала проезжая часть, а только авто, в котором ехал он. То есть она поджидала Брасова, чтобы смотреть вот так? Этого не может быть, совпадение. Однако можно принять за совпадение один раз, но второй...

— Юрий Артемович, вы приболели?

Он забыл, где находится, поэтому содрогнулся, услышав заискивающий лепет секретарши. Не заметил, как та вошла.

— С чего ты взяла? — включился он в действительность.

8 — Вы весь мокрый. У вас температура?

Судя по ее вываливающимся из орбит глазам, обычно преданным и обожающим до тошноты, выглядит он как смертельно больной.

— Нет у меня температуры, — огрызнулся Брасов. Провел пальцами по лбу и удостоверился: мокрые. — Я бежал. Вспотел. Чего панику поднимать?

— Слава богу, — счастливо выдохнула она. — Звонили из администрации, просили вас приехать на совещание, оно начнется в одиннадцать.

— Бабки вымогать будут, не поеду. Позвони и скажи, я уехал.

— Куда уехали? Они обязательно спросят...

Терпеть он не может стрижки, у Лины она особенно противная: одна черная щетина на голове. И одежду носит из гардероба монахини, ненавидит Брасов черный цвет, а также ее черные колготки, которые, говорят, сексуально смотрятся на стройных ногах. И ее стройные ноги, напоминавшие ему о собственном лишнем весе, ненавидел. Единственное, что его устраивало в этой сорокалетней худосочной мымре, — исполнительность, терпение и, как топор у палача, всегда под рукой. Он несколько раз взмахнул кистью, выгоняя ее:

— Придумай сама. Ну, давай, давай... иди.

Как только за ней бесшумно закрылась дверь, третья рюмка коньяка опрокинулась в рот, и потекла, потекла живительная сила, возрождая скорбный дух. Брасов крикнул, приложив ко рту кулак, облегченно вздохнул и вдруг недовольно поморщился: в дверном проеме снова появилась черная щетина и длинный нос.

— Извините, Юрий Артемович, я с напоминанием.

— Давай.

— Сегодня вы приглашены на банкет по случаю дня рождения...

— Помню.

— Извините. — Ее лицо трансформировалось в подобострастные складки, вот прикажи он — ложись на пол и ползи, она ляжет и поползет по-пластунски. За эту падучую преданность Брасову хотелось убить Лину, а без преданности никак нельзя держать близко возле себя человека.

Брасов развалился в кресле, уставился в потолок. Конечно, девчонка всего-навсего похожа до жути, именно до жути, потому что всколыхнула в нем далеко не приятные воспоминания. Он забыл, а она всколыхнула. Ничего, пройдет, то было в юности, бес попутал.

Тори — уменьшительное от Виктории, так звучит приятней, имя ею придумано еще в школе. Ну а если вдуматься: дают ребенку нормальное имя, потом обращаются в ласкательно-уменьшительной форме, и получается Вика, Виктоша, Гоша. На слух непрезентабельно, как кличка собаки, а где же имя? Тори не переделаешь на сюсюкающий лад, не скажешь же Торичка? Абсурд. Тори звучит объемно, с шармом, кстати, была она девочкой шикавой, от слова «шик», тогда не говорили «супер». Во-первых, из хорошей семьи, в смысле — состоятельной, во-вторых, первая красавица в школе, в-третьих, училась на «отлично», правда, стараниями педагогов, в те времена тоже кида-

ли на лапу, лапы брали и тянули на «золото» за симпатичные ушки. Потом триумфальное поступление в институт, учеба, в результате диплом успешно погребен под руинами семейной жизни. Впрочем, Тори считала, что жена с высшим образованием — это неперменный атрибут успеха мужа, лишь бы он соответствовал жертвоприношению. Роберт соответствует частично, да где же взять идеального мужчину? Принцы с королями, как показывает жизнь, давно вымерли, а то, что наплодилось, умеет только холить свое тело да удовлетворять потребности. Редкие экземпляры способны добывать деньги. Роберт добывает, в остальном он как все.

Тори проверила загруженность стола. Официанты справились отлично. Чтоб не забыть, она заранее выдала им на чай по купюре и вышла покурить, заодно встретить гостей. Не успела сделать пару затяжек, как остановился знакомый автомобиль, из него с трудом вылез Брасов с букетом.

— Тори, ты королева! — Его первые слова после вручения букета.

Это не дешевый комплимент, Тори действительно достойна восхищения. Смуглая кожа сейчас в моде, а у Тори она отликает золотистыми оттенками — средиземноморский загар. Большой рот, выразительные глаза, волосы густые и волнистые от природы, фигура на пять с плюсом — одним словом, прекрасна.

— Только вшивый король не прибыл, — усмехнулась она беззлобно. — Думаю, принимает поздравления от любовницы. Подарить ей нечего, так себя ему дарит.

— Тори, Тори... — укоризненно покачал головой Брасов. — Ну что ты такое несешь? Роб преданный...

— Как кот, который гуляет сам по себе. Ладно, не будем о нем. Пойдем, Юрка, выпьем, пока гости не набежали. Признаюсь, я одного тебя могу терпеть, но недолго, до твоего нытья по поводу и без.

— По-твоему, я нытик? — обиделся он. — А раз нытик, значит, зануда. Я зануда?

— Еще какой, но я люблю тебя, — улыбнулась Тори и вдруг, осмотрев его с ног до головы, отчитала друга: — Юрка, ты стал еще толще! Это никуда не годится, жаль, ты не мой муж, я бы тебя загнала в тренажерный зал и не выпускала б оттуда, пока не потерял бы пару десятков кэгэ.

— Не преувеличивай, — запыхтел Брасов, сядя за стол. — Поправился всего на два килограмма, с понедельника сяду на диету.

— Знаю, знаю твои диеты. Потом нажрешься пирожков с деликатесами, вольешь в себя литр спиртного и еще растолстеешь.

— Вот... Вот не надо, а? — забрюзжал он. — Как друг, ты обязана меня поддержать... Шампанское будешь?

— К черту, лей коньяк. — Она подняла рюмку, игриво улыбнувшись. — Ну, за моего неблаговерного, чтоб ему везло в деньгах, чтоб хватало на любовниц без ущерба для семьи. Юрка... — Тори подалась к нему, заговорила шепотом и с азартом сплетницы, которую сплетня абсолютно не касается, но до чертиков занимает: — Ты видел новую

клячу Роба? Ммм, у моего мужа хреновый
12 вкуч. Представь себе, она на голову его

выше, плоская со всех сторон, вся состоит из острых углов. По-моему, у нее анорексия. Я рыдала, когда увидела. От жалости к Робу. Мне кажется, у них садомазо в ходу. Сам посуди, к ней прийтись страшно, вдруг рассыплется на мелкие косточки. Как же Роб не боится? Значит, ей нравится, когда ее терзают, а то, что Роб тайный садист, мне хорошо известно.

Слушал ее Брасов, держа рюмку, и фонарел от цинизма. Вздохнул с сожалением, затем выпил коньяк, заел лимоном и резюмировал:

— Язва ты, Тори. Красивая, причем коварная. Вышла б за меня замуж, когда предлагал, не страдала б сейчас.

— Да я уж сто раз пожалела, Юрка, но каждому воздается по заслугам. Видимо, Роб — мой крестик, кстати, не тяжелый. К тому же я давным-давно перестала страдать. Видишь ли, страдания портят внешность, то есть личико, на нем появляются мерзкие морщины и отпечатываются неурядицы, мне это ни к чему. Твоя-то придет?

— А то! — наливая по второй, фыркнул Брасов. — Чтоб она пропустила пьянку и возможность языком почесать — как же народ узнает, что она самая умная?

Тори расхохоталась. Им обоим не повезло со вторыми половинами, а главное, оба это понимали, но относились к невезению с юморком.

— Все мы потаторы, — сказала она, беря рюмочку. — В просторечье пьяницы, не находишь?

— Я себя пьяницей не считаю.

— Ты еще и обжора. — Тори ласково погладила его по пухлой руке. — Ладно, не

дуйся и успокойся, до конченных алкоголиков нам далеко, так что можем разойтись вволю. — Чокнулись и с удовольствием выпили. — Ой, Юрка! Знаешь, кто у нас будет сегодня?

— Губернатор, — хмыкнул он, ибо преподнесла Тори неизвестного гостя как нечто недосягаемое, которое спустится с необозримых высот и осветит всех своим сиянием.

— Не угадал! — прищелкнула языком она. — Вчера прилетел Глеб Леденев, изъявил желание встретиться с однокашниками, Роб его пригласил.

— Да ну! Что понадобилось мегасветилу в захолустье? — без иронии удивился Брасов.

— Кажется, мать приболела, он хочет отвезти ее за бугор на лечение. Сколько мы не виделись? После университета заезжал пару раз, потом пропал, мы довольствовались только слухами: Глеб в науке, Глеб за границей, Глеб номинирован на какую-то премию...

Между прочим, Тори неровно дышала к Леденеву, но, как ни странно, он ее не замечал. Бывает и такое: на бесспорную красоту не кидаются, а для красоты это обидно и унижительно. Очевидно, в честь Глеба она нарядилась в пух и прах, блещет бриллиантами, чтоб он узрел, от кого отказался. Да и скрытое волнение наверняка связано с ним, но Брасов промолчал на сей счет, лишь пробубнил под нос:

— Последний раз я встретился с Глебом случайно на улице... лет десять назад. Он прилетел на короткое время по делам, то ли наследство получать, то ли... не помню.

14 Что-то связано с деньгами, времени у

него не нашлось на старых друзей. С тех пор я ни разу его не видел.

— Хм, значит, я — много больше десяти лет. Ужас! Отсчет уже идет на десятилетия... Извини, Юрик, гости прибыли. Как бы мне пережить всю эту мутотень?

— Ты у нас все выдержишь, — ободрил ее Брасов, похлопав подружку по бедру.

Фривольность между ними позволялась, потому что души у них родственные, к тому же связывает немало — те же десятилетия, к примеру. Тори с улыбкой счастливой женщины ушла встречать гостей, а он обхватил пальцами подбородок и глубоко задумался. М-да, годы проносятся незаметно, каждый новый этап берется с боем, но вот он заканчивается, и можешь сказать: я выиграл! Следом новая ступень маячит, еще выше, еще труднее, взбираешься на нее — и так бесконечно, передохнуть некогда, куда уж заметить течение времени. Но нет-нет, а мелькнет черная тень из прошлого и сдавит горло невидимой рукой, врезаясь когтями...

2

Глеб не просто опоздал, а пришел в разгар веселья, когда гости прилично подвыпили. Сначала появился сноп белых роз, за ним гость, одетый довольно скромно, в светлый пуловер и джинсы — вовсе не для торжества. Только те, кто понимает, отметили: часы на его запястье безумной стоимости, как и дымчатые очки, обувь безупречная, а пуловер куплен не в местном бутике. Что до остальных (непонима-